

Конституционное право

УДК

ПАВЛИКОВ Сергей Герасимович¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский проспект, 49, Москва, 125993, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9385-8548>

¹Павликов Сергей Герасимович, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Москва (E-mail: 89152499928@mail.ru)

ЛАКОБА Амина Дауровна²

²Абхазский государственный университет; нотариальная контора, ул. Академика Марра, 5, Сухум, Республика Абхазия.

<https://orcid.org/0000-0001-7462-7744>

²Лакоба Амина Дауровна, преподаватель, консультант государственной нотариальной конторы, Сухум, Республика Абхазия (E-mail: amina@inbox.ru)

О СООТНОШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕРЕСОВ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА (В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ПРИОРИТЕТАХ ИХ ЗАЩИТЫ)

Аннотация

Предметом научного анализа в рамках настоящей статьи выступает комплекс проблем, обусловленных попытками умалить роль конституционных норм о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина.

Целью статьи является оценка в контексте реалий теории и практики современного конституционализма возможности равной степени защищенности прав и свобод человека и гражданина, интересов государства и народа.

В статье использованы общетеоретические и специальные *методы научного познания*: анализ и синтез, логический, диалектический, системно-структурный, сравнительно-юридический, социологический и статистический методы.

Обосновывается вывод, согласно которому выше указанная позиция: а) игнорирует конституционные нормы, в том числе о том, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции России); б) не имеет перспективного характера в силу невозможности обеспечить «равную» защиту различных конституционных ценностей; в) имеет негативный опыт в части попыток практической реализации, в том числе в Союзе ССР.

Ключевые слова. Конституция, конституционализм, право, конституционное право, права, теория, доктрина, интерес, человек, гражданин, народ, общество, государство, конституционалист, защита, ценности, закон, власть, ограничение, умаление, интерес, безопасность, вызов.

JEL classification: K10

Constitutional right

Sergey G. Pavlikov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity at Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
(E-mail: 89152499928@mail.ru)

Amina D. Lakoba, lecturer, Abkhaz State University;
consultant to the notary public office, Sukhum (E-mail: amina@inbox.ru)

THE CORRELATION OF HUMAN RIGHTS, THE INTERESTS OF THE PEOPLE AND THE STATE IN THE CONTEXT OF THE PRIORITY OF THEIR PROTECTION

Abstract

Subject / theme The subject of scientific analysis within the framework of the present article is the complex of problems caused by attempts to relativize the role of the constitutional norms on the highest values of the human and civil rights and freedoms.

Goals / objectives The main goal of the article is to assess the possibility of equal protection of human and civil rights and freedoms, public and private interests in the context of the realities of the theory and practice of modern constitutionalism.

Methodology The study is based on the usage of general theoretical and special methods of scientific cognition including analysis and synthesis, logical, dialectical, system-structural, comparative legal, sociological and statistical methods.

Conclusion The authors come to the conclusion that the abovementioned thesis ignores constitutional norms stating that "a person, his / her rights and freedoms are of the highest value" (article 2 of the Constitution of the Russian Federation) and does not have any progressive character due to the inability to provide "equal" protection of various constitutional values. Moreover such concept already has negative experience of practical implementation, including the attempt made in the USSR.

Keywords: *Constitution, constitutionalism, law, constitutional law, rights, theory, doctrine, interest, person, citizen, people, society, state, constitutionalist, protection, values, law, power, restriction, derogation, interest, security, challenge*

В последние годы в официальных высказываниях представителей органов государственной власти, на страницах юридической литературы все чаще можно обнаружить тезис, который *конституционалист* вряд ли может воспринять как бесспорный. Его суть в том, что в современном *государстве* должны быть в одинаковой мере защищены и *права человека*, и *интересы общества, государства*; причем, все чаще имеет место подход, согласно которому *права человека* должны быть полностью подчинены *интересам народа*.

Мы предпримем попытку обосновать суждение о том, что такой подход не носит легитимного характера, он игнорирует конституционные нормы: «*Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность*

государства» (ст. 2 Конституции России); «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции России).

Кроме того, его неконструктивный характер обусловлен попытками обеспечить равную защиту ценностей, между которыми Конституция России вовсе не ставит «знак равенства»; такой опыт развития государственности прошли многие страны, включая и Союз ССР, но поговорка «о сытых волках и целых овцах», разумеется, оставалась нереализованной.

Заметим, что такая позиция, по нашему мнению, являлась для представителей конституционализма более чем очевидной, поскольку большинство исследователей утверждали: «в правовом регулировании частной жизни произошли значительные изменения, связанные как с эволюционированием технического прогресса, так и переосмыслением роли человека в обществе, темпоральным превалированием ценностей индивидуума над интересами общества, государства» [1, с. 126].

Однако, к сожалению, эта позиция становится в излишней мере оптимистичной; на пути ее реализации встают «вызовы» и «угрозы», которые могут носить как объективный, так и субъективный характер. В этом плане безусловный научный интерес представляют исследования развития конституционализма и прав человека в так называемых «условиях современных вызовов». Как пишет В.В. Невинский, «тесное переплетение идеи и практики конституционализма с идеей и практикой реализации прав человека во многих странах дает своеобразный синергетический эффект устойчивости конституционного правопорядка, повышения уровня социально-экономической жизни общества, удовлетворенности человека своим положением в государстве. Вместе с тем следует заметить, что, во-первых, принципы конституционализма и права человека находятся в постоянном развитии, реализуются не беспрепятственно даже в развитых странах; во-вторых, они сложно, не без потрясений укореняются в странах со схожей развитым странам культурой, вставших на этот путь 30 - 40 лет назад; в-третьих, отдельные принципы конституционализма (суверенитет народа, верховенство права, идеологическое и политическое многообразие и др.) и положения доктрины прав человека воспринимаются в реальной политике нередко лишь как дань демократическому международному имиджу страны [здесь и далее – авт.] (используются «для внешнего употребления»); в-четвертых, в некоторых странах ни доктрина конституционализма, ни доктрина прав человека не воспринимаются вообще в силу культурно-исторического и общественно-политического своеобразия этих стран» [2, с. 28].

«Сомнения» по вопросу примата прав человека в системе конституционных ценностей высказываются уже достаточно длительное время; так, десятилетие назад можно обнаружить такого рода ограничения:

«в современных условиях особое звучание приобретают индивидуальные и коллективные этнические *права*. Традиционно *право* отдает предпочтение *правам* индивидуальным, и эта точка зрения пока остается преобладающей, несмотря на постепенное продвижение коллективных *прав*. Но именно коллективные *права* позволяют этническим сообществам сохранять себя как специфические этнокультурные общности, а *государству* - эффективнее регулировать этносоциальные отношения» [3, с. 21].

Наиболее часто *права человека* предлагается *ограничивать* в интересах «*народа*» или «*государства*». Оговоримся, что речь не идет о допустимом *Конституцией ограничении прав и свобод человека и гражданина* «федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, *прав* и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности *государства* (ч. ст. 55 *Конституции* России), но о более «глобальном» их *ограничении* (на грани, как мы полагаем, с их *умалением*).

Первоначально охарактеризуем проблематику соотношения *прав народа и прав человека* в системе конституционных *ценностей*, которая имеет теоретическое, практическое и методологическое значение [4, с. 34].

Конституционалисты изучают категорию *народ* в различных аспектах; так, например, в актуальных исследованиях Ю.И. Скуратова акцент сделан на «творческом наследии классического евразийского учения. Евразийский подход к *народу* и другим социальным общностям в качестве соборных, симфонических личностей, а не механической суммы отдельных индивидуумов дает возможность по-новому осмыслить природу и механизм реализации конституционной правосубъектности *народа*, сформулировать тезис о перспективном характере разработки категории «*права народа*» в единстве с идеей *прав человека*, показать значимость конструкции *права народа – права и обязанности человека и гражданина – права и обязанности государства* и его органов для обеспечения юридической сбалансированности содержания *Конституции* России» [5, 11].

Небезынтересно, что этот известный автор не пишет прямо о примате «*права народа*» над конституционными *правами* и свободами *человека и гражданина*, но фактически подвергает критике существующую конституционную модель (с доминантой *прав человека*), так как предлагает «выстраивание нормативного содержания текста *Конституции* России на базе юридических конструкций: *права народа - права и обязанности человека и гражданина - права и обязанности государства* и его органов», что «позволило бы обеспечить стройность и непротиворечивость Основного *Закона*, логичность его структуры и «перетоков» юридической энергии, создать механизм взаимодействия коллективных и индивидуальных *прав*, а также взаимодействия *народа* и государственного механизма». [5,13]. Однако нельзя не отдать должное новизне исследований этого *конституционалиста* в части, к примеру, рассуждений о «доминанте Президентского *конституционализма*», «дефиците

конституционно-политического плюрализма», равно как выводу о том, что «коллективная, «симфоническая» личность – российский *народ* (многонародная российская нация) не только лежит в основе большинства евразийских теоретических конструкций, но и рассматривается как ведущий субъект реальной политики, социальное и духовное самочувствие которого и определяет судьбу российской государственности и будущего Евразии». [5,13-20].

Вместе с тем рассуждения о категории «*народ*» в духе, к примеру, «евразийского» («особого» и т.п.) контекста может у ряда авторов облекаться в спорные формулировки, которые плавно подводят читателя все к той же мысли – а не напрасно ли *Конституция* так высоко ставит *права человека* и в какой мере это отвечает (ответ явно нам предлагается отрицательный!) «ментальности российского *народа*»?

Приведем пример подобного рода рассуждений. «Для политизированного, атомизированного, и динамичного западного *общества*, – полагает А.И. Гусейнов, – юридическое *право* и *право* как форма стихийной жизни *общества* в целом совпадают, то в качестве важнейших выражений доминант ментальности выступают идеи свободы, гражданского *общества*, *закона* и естественных *прав* человека. Взятые в своем единстве эти идеи освещают первичность *прав человека* и вторичность его обязанностей и ответственности. Что касается российской духовности, то ее своеобразие состоит в сочетании религиозности и моральности, т.е. в ориентации на абсолютные, идеальные ценности. Поэтому российское правопонимание никогда не ориентировалось на *права* и свободы личности, делая акцент на единстве *прав* и обязанностей, на нравственно-религиозных началах *права*» [6,17].

Позиция авторов статьи вовсе не преследует цель умалять роль научных исследований категории «*народ*», которой в теории *конституционализма*, действительно, не уделяется должного внимания. Многие ученые отмечают, что «*народ* является самостоятельным и отдельным субъектом конституционно-правовых отношений. И эта точка зрения на сегодняшний день абсолютно научно-обоснована, доказана и принимается большинством ученых-исследователей. *Народ* в обыденном понимании данного термина является не чем иным, как совокупностью *граждан*. Между тем содержательная сторона *народа* как участника конституционных отношений не столь очевидна» [7, с. 38].

Не менее дискуссионный характер имеет и вопрос о том, «обладает ли *народ* Российской Федерации конституционными *правами* и свободами? Непосредственно в тексте самой *Конституции* РФ многонациональный *народ* России определен как сознающий себя частью мирового сообщества и возрождающий суверенную государственность России (преамбула). Многонациональный *народ* является носителем суверенитета и единственным источником *власти* в Российской Федерации. *Народу* предоставлена конституционная возможность осуществлять свою *власть* непосредственно, а также через органы государственной *власти* и органы

местного самоуправления. А референдум и свободные выборы объявлены высшим непосредственным выражением *власти народа*» [8,17].

В целом можно разделить мнение о том, что «современная научная доктрина демократического *государства* строится на позициях, что единственным источником *власти* является многонациональный *народ*. Однако в законодательстве наряду с понятием «*народ*» используются термины «население», «нация», «избиратели». При этом данные понятия подменяются, что является не совсем верным...не совсем корректно юридически отождествлять «*народ*» с «избирателями», а тем более смешивать с иными категориями, такими как «жители» и «население» [9,14].

В равной мере заслуживает внимание и вывод о том, что «понятие «*народ*», используемое в *конституционном праве* как самостоятельной отрасли, представляет собой сложную правовую конструкцию, состоящую из совокупности взаимосвязанных элементов, каждый из которых выступает самостоятельным субъектом конституционных правоотношений и обладает характерными особенностями. В решении вопроса об определении правового положения *народа*, возможно, использовать системный подход. То есть необходимо определить конституционно-правовое положение тех категорий, которые используются в тексте действующей *Конституции* РФ. Анализируя понятие «многонациональный *народ* Российской Федерации», важно отметить, что его содержание может быть выражено в ряде аксиом, представляющих существенное значение для *теории конституционного права*. Во-первых, данная категория представляет собой совокупность элементов - национальностей. Во-вторых, каждая из составляющих должна иметь некую связь с Российской Федерацией. И, в-третьих, их количество не должно быть менее двух, иначе не будет соблюдено условие наличия их множества» [10,16].

Значительно более часто *права* и *свободы человека* пытаются представить как «второстепенную» *ценность* по отношению к *государству*, к так называемым *государственным интересам*. При этом «*государственные интересы* нередко противопоставляют национальным и общественным *интересам*. Важно отметить, что национальные *интересы* и *интересы государства* нетождественные, но взаимосвязанные и взаимодополняемые понятия [11,8]. По мнению М.В. Ильина, «*национальный интерес* есть *интерес* нации, как двуединства суверенного территориального *государства*, и гражданского *общества*. Государственный же *интерес* не только содержательно связан с понятием «*национальный интерес*», но в значительной мере определяет его смысловую структуру» [12, с. 81]. Другие авторы под *государственными интересами* понимают «процесс удовлетворения потребностей, обеспечивающий общий, совокупный (публичный) интерес населения *государства*» [14, с. 97].

Впрочем, авторов настоящей статьи, в первую очередь, интересует вопрос о приоритетности *защиты прав* и *свобод человека и гражданина* по

отношению к государственным *интересам*. С сожалением приходится констатировать, что «такие сложные современные проблемы, как терроризм, насильственное переселение сотен тысяч людей, неуправляемая миграция, поставили многие *государства* перед серьезным выбором - значительно *ограничить права человека* и гражданина ради национальной *безопасности* или остаться верным своим международным обязательствам. Как свидетельствует международный опыт последних лет, излишне гуманистический подход к соблюдению *прав* граждан действительно может разрушить основы национальной безопасности *государства*» [11, с. 9-10].

Эти авторы осознают, что «отдельные государственные деятели под прикрытием обеспечения национальной *безопасности*, в том числе борьбы с терроризмом, превратили жизнь своих законопослушных *граждан* в ад. К сожалению, как показал миграционный кризис в Европе, *защита прав человека* сегодня вызывает затруднения даже у стран, имеющих вековые демократические традиции. *Ограничение прав человека* стало для них императивным требованием» [14, с. 31].

При этом важно отметить различие между двумя ситуациями; первые вызваны имманентными факторами, например стихийными бедствиями, чрезвычайными ситуациями, когда «в *государстве* происходят крупные деформации в объеме и характере выполняемых функций, в уровне деятельности государственных органов, в формах и качестве правового регулирования создают угрозу *государству* (его части). Как правило, во всех странах мира, и Российская Федерация не является исключением, действует соответствующее законодательство, которое позволяет легализовать оперативные режимы деятельности специальных органов, некоторое *ограничение прав граждан*» [15, с. 65].

Однако все чаще государственный *интерес* отождествляется с перманентными ситуациями «вызовов» и «угроз». С одной стороны, они, действительно, не могут быть игнорированы *обществом* и *государством*, вызывают меры, которые неоднозначно трактуются в *теории конституционного права*. Так, ст. 6 *Конституции* России прямо указывает, что «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства».

Тем не менее, например, «серия террористических атак последних лет (в Париже, Санкт-Петербурге, Стокгольме) показала, насколько уязвимым может оказаться самый мощный государственный аппарат перед силами зла и террора. И, естественно, получив гражданство посредством злоупотребления *правом* на гражданство, *человек* должен понимать, что в отношении него могут наступить неблагоприятные последствия. Ведь гражданство, образно говоря, – взаимная связь, взаимная заинтересованность *государства* и *человека*, для целей удовлетворения интересов *государства* и потребностей личности (для *государства* – поступление налогов, пополнение сферы производства и услуг квалифицированными кадрами, стабилизация демографической ситуации и др.; для *человека* – пользование всем объемом *прав* (социальных,

политических), предоставляемых и гарантированных *государством*» [16, с. 19].

Однако проблема фактического лишения гражданства является, разумеется, далеко не единственной. «События последних лет, - пишут исследователи, - подвергают серьезным испытаниям объективную обусловленность, живучесть и перспективность на обозримое будущее *доктрины* и практики конституционализма и прав человека в либерально-индивидуалистической интерпретации. С одной стороны, расползание оккупационно-карательной деятельности так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и стимулируемые им на религиозно-этнической почве террористические акции, направленные на подрыв конституционализма и идеологии прав человека; с другой стороны, стремление отдельных ведущих стран навязать всем народам мира единый правопорядок, создание «свободного мира без границ и разделительных линий» и массовая стихийная миграция за лучшей долей населения Азии и Африки в Европу и Северную Америку, обострившая «столкновение цивилизаций». На этом фоне становится очевидным, что идеология и практика реализации принципов конституционализма и прав человека должны быть более приспособлены к подобным кризисным ситуациям. Одновременно в целях недопущения разрушения основ конституционализма, устоявшейся на его базе системы прав и обязанностей человека и гражданина конституционализм должен быть «боеспособным» то есть способным общественными и государственно-правовыми средствами защитить свои ценности, принципы и институты» [2, с. 30].

Очевидно, что категория «боеспособный конституционализм» есть новый феномен в его теории; способен ли он защитить государство от указанных «вызовов» и при этом не разрушить систему гарантий прав человека и гражданина - вопрос более чем актуальный.....

Так, например, даже авторы, ратующие за фактическое ограничение конституционного права быть не лишенным гражданства (реакция на «вызовы» государственным интересам), рассуждают следующим образом.

«Между тем, признавая необходимость государственного вмешательства в целях реформирования института лишения (отмены) гражданства, - пишет Н.М. Мамасахлиси, - нельзя забывать и о закреплении справедливых правовых процедур реализации норм материального права. К сожалению, рассматриваемая законодательная новелла не гарантирует защиту от произвольного лишения гражданства в отношении лиц, приговоренных судом к наказанию за совершение соответствующих преступлений. Все это лишь подводит к логическому выводу, что существующая *de jure* «отмена решения о приеме в гражданство» представляет собой *de facto* «лишение гражданства» как наказание за совершение особо тяжкого преступления. Между тем видно, что от перемены слов значение конституционно-правовой санкции не меняется» [16, с. 20].

Осознавая важность борьбы с различного рода «вызовами» и «угрозами», которые уносят жизни людей, причиняют невосполнимый урон их жизни имуществу, мы все же готовы утверждать – идеология российского *государства*, равно как и идеология любого современного «сильного» правового *государства* не может не базироваться на приоритете *прав* и свобод человека и гражданина.

Такой подход разделяют многие авторы, когда пишут о том, что «приоритет *прав* и свобод человека перед интересами *государства* и провозглашение их высшей ценностью, идея правового *государства* являются, по сути, идеологией. Закрепление в *Конституции* принципов идеологического и политического плюрализма, провозглашение *государства* светским или социальным есть не что иное, как воплощение демократических взглядов. *Конституция* РФ - не просто нормативный правовой акт высшей юридической силы, имеющий прямое действие, но и правовое выражение *ценностей общества* и *государства*. И это закрепление *ценностей* и есть своеобразная идеология *государства*, реализация которой определяет уровень стабильности конституционного строя» [17, с. 77].

Итак, в любых условиях конституционные нормы, в том числе устанавливающие, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита *прав* и свобод человека и гражданина - обязанность *государства*» (ст. 2 *Конституции* России); «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 *Конституции* России) не могут быть «пересмотрены», иное тождественно отрицанию *ценности* и авторитета *Конституции* Российской Федерации

Конституция допускает ограничение *прав* и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, *прав* и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности *государства* (ч. ст. 55 *Конституции* России), но не их умаления (на это обстоятельство неоднократно указывал Конституционный Суд России), даже в интересах «народа» или «государства».

Конституция нашей страны устанавливает приоритет *прав* и свобод человека над интересами *государства*. Необходимые и своевременные действия *государства* в части борьбы с новыми «вызовами» не изменят идеологию Российской Федерации, которая во многом базируется на указанном приоритете.

Список источников:

1. Кротов А.В. Проблемы конституционализации права на частную жизнь в России в условиях глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 126 - 131.

2. Невинский В.В. Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 28 - 33.

3. Напсо М.Б. Права народов и права человека: к вопросу о правомерности конституционного закрепления коллективных и индивидуальных этнических прав // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 10. С. 21.

4. Абрамова А.И. Правовые понятия в общем цикле развития российского законодательства // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 34 - 42.

5. Скуратов Ю.И. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) // LEX RUSSICA. 2017. № 10. С. 9 - 26.

6. Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 17-18.

7. Аверьянова Н.Н. Конституционная правосубъектность народа как обладателя права на землю // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 38 - 44.

8. Велиева Д.С. Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 17 - 20.

9. Авдеев Д.А. Российский народ как субъект конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 14 - 17.

10. Зенин С.С. Народ как особый субъект конституционно-правовых отношений в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 16 - 21.

11. Саттарова Н.А. Концепция реализации государственного интереса в механизме обеспечения финансовой безопасности // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 11. С. 8 - 12.

12. Ильин М.В. Критерий современности в политике (Материалы круглого стола) // Полис. 1995. № 1. С. 81.

13. Белов В.А. Государственные интересы, вытекающие из договора аренды // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 97.

14. Оганесян В.А. Международные стандарты прав человека в правоприменительной практике конституционных судов // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 31 – 36.

15. Поветкина Н.А. Расходы бюджета: понятие, признаки, особенности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 65 - 70.

16. Мамасахлиси Н.М. Лишение гражданства как конституционно-правовая санкция за совершение преступления террористического характера // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 18 - 22.

17. Федотова Ю.Г. Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства // LEX RUSSICA. 2017. № 7. С. 75 - 89.

References:

Krotov (2017) – *Krotov A.V. Problems of constitutionalization of the right to private life in Russia in the conditions of globalization* [Problemyi konstitutsionalizatsii prava na chastnuyu zhizn v Rossii v usloviyah globalizatsii] // Actual problems of the Russian law [Aktualnyie problemyi rossiyskogo prava]. 2017. No. 2. P. 126 - 131.

Nevinsky (2016) – *Nevinsky V V. Natural human rights on the scales of modern constitutionalism* [Estestvennyie prava cheloveka na vesah

sovremennogo konstitutsionalizma] // Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2016. No. 8. P. 28 - 33.

Napso (2009) – *Napso M.B. rights of peoples and human rights: the question of the legality of the constitutional consolidation of collective and individual ethnic rights* [Prava narodov i prava cheloveka: k voprosu o pravomernosti konstitutsionnogo zakrepleniya kollektivnykh i individualnykh etnicheskikh prav] // Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2009. No. 10. P.21.

Abramova (2017) – *Abramova A.I. Legal concepts in the General cycle of development of the Russian legislation* [Pravovyye ponyatiya v obschem tsikle razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2017. No. 11. P. 34 - 42.

Skuratov (2017) – *Skuratov Yu. I. Category "people" in the constitutional law of Russia (Eurasian traditions and modernity)* [Kategoriya «narod» v konstitutsionnom prave Rossii (evraziyskie traditsii i sovremennost)] // LEX RUSSICA. [Lex russica] 2017. No. 10. S. 9 - 26.

Huseynov (2007) – *Huseynov A.I. the Problem of values in law* [Problema tsennostey v prave] // law and politics [Pravo i politika]. 2007. No. 7. C. 17-18.

Averyanova (2017) – *Averyanova N. H. Constitutional legal personality of the people as the owner of the right to land* [Konstitutsionnaya pravosub'ektnost naroda kak obladatelya prava na zemlyu] // Journal of Russian law [Zhurnal rossiyskogo prava]. 2017. No. 4. P. 38 - 44.

Veliyeva (2015) – *Veliyeva D.S. Constitutional legal personality of the peoples of the Russian Federation in the context of a democratic state* [Konstitutsionnaya pravosub'ektnost narodov Rossiyskoy Federatsii v kontekste demokratcheskogo gosudarstva] // Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2015. No. 6. S. 17 - 20.

Avdeev, (2017) – *Avdeev D.A. the Russian people as a subject of constitutional law* [Rossiyskiy narod kak sub'ekt konstitutsionnogo prava] // Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2017. No. 11. P. 14 - 17.

Zenin (2012) – *Zenin S.S. Nation as a special subject of constitutional legal relations in the Russian Federation* [Narod kak osobyiy sub'ekt konstitutsionno-pravovykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii] // the Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2012. No. 9. P. 16 - 21.

Sattarova (2017) – *Sattarova N.Ah. The concept of realization of the state interest in the mechanism of financial security* [Kontseptsiya realizatsii gosudarstvennogo interesa v mehanizme obespecheniya finansovoy bezopasnosti] // State power and local self-government [Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie]. 2017. No. 11. Pp. 8 - 12.

Ilyin (1995) – *Ilyin M.V. Criterion of modernity in politics (materials of the round table)* [Kriteriy sovremennosti v politike (Materialyi kruglogo stola)] // Polis. [Polis] 1995. No. 1. C. 81.

Belov (2015) – *Belov V. A. the Public interest arising from a lease agreement* [Gosudarstvennyye interesy, vyitekayushchie iz dogovora arendyi] // Actual problems of Russian law [Aktualnyye problemy rossiyskogo prava]. 2015. No. 9. C. 97.

Hovhannisyan (2017) – *Hovhannisyan V.A International human rights standards in law enforcement practice of constitutional courts* [Mezhdunarodnyye standartyi prav cheloveka v pravoprimeritelnoy praktike konstitutsionnykh sudov] // the Russian legal magazine [Rossiyskiy yuridicheskii zhurnal]. 2017. No. 2. P. 31 - 36

Povetkin (2015) – *Povetkin N. Spending budget: the concept, features, features* [Rashodyi byudzheta: ponyatie, priznaki, osobennosti] // Actual problems of Russian law [Aktualnyie problemyi rossiyskogo prava]. 2015. No. 8. P. 65 - 70.

Mamasakhlisi N. Mmm (2017) – *Mamasakhlisi N. Mmm Deprivation of nationality as a constitutional and legal sanction for the Commission of an offence of a terrorist nature* [Lishenie grazhdanstva kak konstitutsionno-pravovaya sanktsiya za sovershenie prestupleniya terroristicheskogo haraktera] // Constitutional and municipal law [Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo]. 2017. No. 11. S. 18 - 22.

Fedotova (2017) – *Fedotova Yu.G. participation of citizens in ensuring national defense and state security* [Uchastie grazhdan v obespechenii oboronyi stranyi i bezopasnosti gosudarstva] // Lex russica [Lex russica].. 2017. No. 7. P. 75 - 89.